

возможность проведения единой природоохранной политики на северо-востоке Азии и северо-западе Америки – на территориях, имеющих много общего в геологическом, биотическом и в целом в ландшафтном отношении. Доказательством этого служат современные попытки создать здесь межгосударственный парк Берингию, который необходим как опорный полигон в Арктике и Субарктике. Одновременно, во-вторых, не были реализованы возможности использования богатейшего рекреационного потенциала, который успешно реализуется только в США. Наконец, в-третьих, нужно говорить и о потерях в экологии человека – прекращении уникального опыта взаимовыгодного взаимопроникновения культур – русской и аборигенной, основанных на единении с природой; даже спустя полтора века следы этого исторического общения заметны, в многом благодаря существованию Русской православной церкви на Аляске.

Таким образом, суммарные последствия решения о продаже Аляски весьма значительны, и ход развития востока России, да и всей страны мог быть совсем иным. Конечно, «сквозь даль времен» судить легче, для принятия ответственного решения были свои весомые аргументы, которые в тот момент перевесили; да и известно – история не терпит сослагательного наклонения. Однако извлечь из этой печальной истории уроки, особенно о последствиях «кулуарных» недостаточно взвешенных решений, тем более на фоне сегодня проталкиваемой определенными зарубежными и отечественными кругами концепции о целесообразности «сжатия восточного пространства России» – просто необходимо.

*КОСАРЕВ В. Н.
КОСАРЕВА Л. В.
МАКОГОН И. В.*

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В области современного образования смена фундаментальных принципов является очевидной. Никогда не прекращавшиеся попытки реформировать образование свидетельствуют именно об этом, хотя в комментариях к кампаниям подобного рода традиционно используются шаблонные формулировки целей и причин перестройки и модернизации – принято говорить о неуклонном совершенствовании образовательной системы, о необходимости ее модернизации и т. п. [1, с. 109–110].

Какими способами наше образование можно модернизировать, реформировать и превратить в реальный инновационный фактор развития общества? Какой тип юридического образования соответствует правовой культуре новой России? Насколько образовательные модели, применяемые в современной российской высшей школе, соответствуют потребностям развития национального правосознания? В ответах на эти вопросы и должна, как считает В. Н. Синюков, состоять правовая образовательная политика [16, с. 13–20]. К сожалению, в рамках нынешней реформы высшего профессионального образования так проблема не обсуждается. Общественная дискуссия идет в основном вокруг вопросов количества студентов, числа вузов, профильности и непрофильности субъектов образовательной деятельности. В связи с этим главной темой общественных дискуссий по реформе образования стал вопрос его качества (компетентности специалиста).

Думаем, в современных условиях развития нашего общества острой становится потребность в инициативной, деятельной и культурной личности, способной непрерывно пополнять запасы профессиональных знаний и умений, грамотно ставить цели своей деятельности и достигать их, творчески подходить к своему гражданскому делу. Поэтому инновационная система образования должна быть творческой, компетентной и наукоемкой, требующей смещения акцента в системе профессиональной подготовки с ориентирования не на профессию, а на приоритет ценностей специалиста в профессии.

Проблемы современного образования как системы ретрансляции знаний вполне естественно сводятся к вопросу о компетентности преподавателей и руководителей в этой сфере. Однако нетрудно видеть, почему сложившаяся система оказывается непроницаемой для контроля над компетентностью. Для этого достаточно обратить внимание хотя бы на то, каким образом победа государственности над научностью меняет критерии фундаментальности и компетентности образования [2, с. 59–81; 4, с. 162–165]. Наука и образование превратились в бизнес.

Если даже компетентность какого-либо руководителя выражена не прямо в терминах его полномочий (вроде служебной обязанности управлять образованием и наукой), а косвенно (вроде требований к соискателю соответствующей должности), речь неизменно идет о предоставлении некоего комплекта документов. В результате перевода всех знаний на «более цивилизованный» язык удостоверений о знаниях создана такая ситуация, в

которой некомпетентность может достигать любого уровня, может быть абсолютно очевидной, но не может быть предметом обсуждения – т. е. недоказуема в рамках существующей образовательной системы. Истинная уникальность сложившейся системы современного образования состоит в том, что на территории этого заказчика законы разума вообще не действуют [3, с. 23–25].

Надо полагать, что современное образование – область с непредсказуемыми реформами. Наивно было бы думать, что в столь питательной среде будут лишь смиренно трудиться истинные педагоги и просветители. Такова была традиционная (извечная) проблема народного образования. Но, добавив к традиционным извращениям высоких идеалов просвещения богатейшие возможности современной экономической практики (сделав образование поприщем бизнеса в стране: граждане которой только что были выпущены со строек коммунизма на бескрайние просторы свободного предпринимательства), мы получили несравненно более причудливую систему современного образования и ее устроителей [12, с. 17–20; 15, с. 5–9].

Практическое отсутствие в образовательной деятельности интеллектуальных мотиваций и скрытое присутствие административных интенций (образ власти на месте образа знания) является, по убеждению ученых, фактором столь же определяющим, сколь и неприкосновенным – неприемлемым для сложившейся современной традиции рассуждений на данную тему. При такой ущербности система современного образования становится проблемной и центром притяжения множества людских пороков и слабостей [16, с. 5–9].

При исследовании инновационных процессов в образовании, как считают ученые, следует очень аккуратно подходить к их оценке, не впадать в эйфорию от одного слова «инновация». Инновации могут быть как прогрессивными и полезными, так и изначально неуместными, реакционными, или проявить свои негативные качества сравнительно быстро, не говоря уже о том, что любая инновация рано или поздно как бы «выдыхается», теряет свою положительную функцию, хотя бывают и случаи и «варификации», когда не столько лучше, сколько иначе (по форме, названию и т. п.), и реинновации (возвращение к прошлому, как к лучшему). И примеров негативных инноваций не так уж мало. Очень резко оценивает многие так называемые инновации Ю. Г. Марченко [8, с. 10–12].

Инновации прямо-таки захлестнули школу. Учителей вогнали в «беличье колесо» лицензирования, приобретения категорий, «выгнали» из привычной школы в «образовательное пространство». У нас уж и Родины нет, вся она – механическая сумма «пространств» – политического, экономического, культурного, образовательного... Какое там у «реформаторов» на очереди? Патриотическое, консервативное и т. п.? Патриотический потенциал школы размывается в первую очередь. Сокращаются часы и злонамеренно искажаются в содержании дисциплины, формирующие мировоззрение учащихся, их духовный и нравственный облик. Это – русский язык, литература, история, математика. Основ искусств – практически как не было в школе, так и нет. Но уже и основы наук под угрозой. Инновации выдавливают, выжигают русское национальное и фундаментальное начало из образовательного «вещества» – учебников, пособий, методик, программ и стандартов, да и педагогов тоже [9, с. 46–47].

В рецензии на монографию А. И. Долговой М. П. Клейменов и В. С. Овчинский пишут: «Говорят, история нередко повторяется – в виде фарса. Таким фарсом следует признать исключение криминологии из системы обязательного высшего профессионального юридического образования. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 4 мая 2010 г. № 464 утвержден Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) бакалавр). В его базовую профессиональную часть не включена дисциплина «криминология» – наука об изучении и анализе преступности, ее причин, мерах предупреждения преступлений. Между тем в этом же документе сформулированы компетенции, которыми должен обладать выпускник и достижение которых возможно только при обязательном и полноценном изучении криминологии [10].

С большим скептицизмом относится ко многим начинаниям в инновационной политике и С. В. Кузьмин [7, с. 7–17]. Способность к изменениям, по мнению большинства специалистов, является в настоящее время решающим фактором развития, обеспечивающим конкурентоспособность того или иного образовательного учреждения. По данным социологических исследований более 90 % школ Российской Федерации охвачены в настоящее время поиском новых средств, методов и форм образовательной и воспитательной деятельности [11, с. 43–44]. Вместе с

тем качественный анализ показывает, что часто инновационные процессы разрознены, малоуправляемы, плохо продуманы и неподготовлены. Такого рода инновации напоминают «культурную» жизнь современного человека, в большей части алкогольную, наркотийную и сексуальную [16, с. 5–9].

Образование является главным механизмом воспроизводства общественного интеллекта, а в его структуре основную позицию занимает высшее образование как механизм воспроизводства образования в целом, науки и культуры. Но такое воспроизводство возможно лишь при качественном образовании. Качество образования трактуется как определенный уровень знаний и умений, умственного, физического и нравственного развития, которого достигли выпускники образовательного учреждения в соответствии с современными целями и задачами [13, с. 17–21].

Эффективное управление качеством образования достигается, по мнению ученых, с помощью целевых комплексных программ, структурированных как единый программно-целевой комплекс [4, с. 162–165]. Принципиальное отличие программно-целевого комплекса от традиционной программы состоит в том, что он представляет собой систему программ, объединенных общей целью. Структура программно-целевого комплекса определяет место целевых программ, их приоритетность, порядок их взаимодействия в процессе обучения и управления качеством образования [5, с. 69–72].

По мнению отечественных и зарубежных исследователей, освоение инноваций является не единовременным актом, а процессом поэтапного программно-целевого обеспечения инновационной деятельности в системе образования. При этом система образования, в которой осуществляется инновационная деятельность, должна приобрести новые формы, методы и средства организационно-управленческой деятельности. Эффективным средством реализации инновационной деятельности в сфере современного образования должна стать инновационная целевая комплексная программа.

Литература

1. Глушков В. Ф. О некоторых тенденциях реформирования в высшей школе / В. Ф. Глушков, Ю. В. Ануфриева // Проблемы общества и человека в XXI в. : Междунар. науч.-практ. конф. 27–28 марта 2002 г. – Новосибирск, 2002. – С. 109–110.
2. Глазерсфельд Э. Фон. Введение в радикальный конструктивизм // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2001. – № 4. – С. 59–81.

3. Егорычев А. М. Образование как основной фактор развития общества и человека // Проблемы общества и человека в XXI в. : Междунар. науч.-практ. конф. 27–28 марта 2002 г. – Новосибирск, 2002. – С. 23–25.
4. Косарев В. Н. К вопросу о фундаментальности и компетентности юридического образования / В. Н. Косарев, Л. В. Косарева, И. В. Макогон // Воспитание толерантности в условиях образовательного процесса: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2011. – С. 162–165.
5. Косарев В. Н. Возможности интенсификации учебно-научно-воспитательного процесса на основе программно-целевого подхода / В. Н. Косарев, Л. В. Косарева // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 8. – С. 69–72.
6. Кулькин А. Наука и образование в опасности // Свободная мысль–XXI. – № 8(1558). – 2005. – С. 129–146.
7. Кузьмин С. В. Организация инновационной деятельности педагогического коллектива образовательного учреждения / С. В. Кузьмин. – Ярославль, 2001. – С. 7–17.
8. Марченко Ю. Г. Патриотическое воспитание в современной России: состояние, препятствия, реальные возможности // Патриотическое и гражданское воспитание молодежи в современной России. – Новосибирск, 2002. С. 10–12.
9. Околелов О. П. Современные технологии обучения в вузе: сущность, принципы проектирования, тенденции развития // Высшее образование в России. – 1994. – № 2. – С. 46–47.
10. Клейменов М. П. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность [Электронный ресурс] : рецензия / М. П. Клейменов, В. С. Овчинский. – URL: [http://www.crimpravo.ru /blog/ nauka/855.html](http://www.crimpravo.ru/blog/ nauka/855.html).
11. Рубчевский К. В. Образование в современном мире // Филос. образование. – Новосибирск. – 2003. – № 7. – С. 43–44.
12. Современная картина мира. Формирование новой парадигмы : сб. статей / отв. ред.: Азроянц Э. А., Самохвалова В. И. – М., 1997. – С. 17–20.
13. Середа Е. В. Зачем нужна федеральная целевая программа правового просвещения и образования в области прав человека и методов их защиты? // Вестн. Уполномоченного по правам человека в РФ. – 2003. – № 2. – С. 17–21.
14. Смолин О. Н. Приоритеты образовательной политики: статус педагога, чистота эксперимента, здоровый консерватизм реформ // Философия образования. – Новосибирск. – 2003. – № 7. – С. 99–100.
15. Синоков В. Н. Юридическое образование и правовая культура // Правовая культура. – 2009. – № 1(6). – С. 13–20.
16. Тоффлер Э. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века / Э. Тоффлер. – М., 1991. – С. 5–9.